

Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву.

(11—18 іюля 1812 года)¹⁾.

Въ самага начала военныхъ дѣйствій, открытыхъ въ 1812 г. Наполеономъ противъ Россіи, Москва томила неизвестностью и съ жадностью ловила и разносила всякую вѣсть, приходившую съ границъ имперіи. Переходъ непріятели черезъ Нѣманъ, занятіе Вильны, отступление нашихъ войскъ, укрѣпленный лагерь при Дриссѣ,—все было предметомъ толковъ и осудительныхъ разговоровъ. Установившееся съ первыхъ дней возникновенія Петербурга значительное отчужденіе отъ него древней столицы и вызванная этимъ чувствомъ склонность порицать исходящія изъ Петербурга мѣропріятія съ наибольшою силою проявились теперь, когда страна, казалось, подходила къ краю гибели. Въ тѣ годы Москва, уже мѣняя свои старинныя привычки и вводя новые обычаи, сохранила однако во многомъ особенности своего быта, столь характерныя для екатерининскаго времени. Всѣ важнѣйшіе вельможи, за старостью дѣлавшіеся неспособными къ работѣ, или разочарованные, или уволенные отъ службы, пріѣзжали мирно доканчивать свое существованіе въ этомъ городѣ, къ которому всякаго тянуло или по его рожденію, или по его воспитанію, или по воспоминаніямъ молодости, играющимъ такую сильную роль на склонѣ жизни. Каждое семейство имѣло свой домъ, а болѣе зажиточные—имѣніе подъ Москвой. Въ Москву пріѣзжали чтобы веселиться, чтобы жить со своими близкими, съ родствен-

¹⁾ Краткій очеркъ пребыванія Императора Александра I въ Москвѣ въ 1812 г. былъ напечатанъ въ іюньской кн. „Русск. Стар.“, стр. 465—466.

Ред.

никами, видѣться со знакомыми, чтобы дать дѣтямъ приличное воспитаніе и вообще пользоваться преимуществами жизни въ столицѣ; въ губернскихъ же городахъ проживали больше чиновники и купцы. Весною, въ концѣ февраля, дворяне оставляли городъ, переѣзжая въ деревни, отчасти по привычкѣ, а главнымъ образомъ для уменьшенія расходовъ. Такимъ неслужащимъ и независимымъ дворянствомъ составлялось извѣстнаго рода общественное мнѣніе, если только примѣнимо подобное обозначеніе къ разговорамъ мелочного свойства, которымъ, за нѣкоторыми впрочемъ исключеніями, предавались тогда въ московскихъ гостиныхъ; во всякомъ случаѣ съ мнѣніемъ Москвы правительственная власть изъ политическихъ видовъ часто полагала необходимымъ считаться, оказывая ей вниманіе, хотя и проявлявшееся по большей части внѣшнимъ образомъ.

Кромѣ милостей, изливавшихся на высшее московское общество при каждомъ вступленіи на престолъ, когда новый государь пріѣзжалъ короноваться, въ Москву обычно назначался губернаторомъ кто-нибудь изъ прежнихъ главнокомандующихъ или же фельдмаршалъ, который имѣлъ право сноситься непосредственно съ государемъ; въ военное время, каждый разъ, когда надо было извѣщать о побѣдѣ, отправлялся изъ Петербурга курьеръ съ рескриптомъ генераль-губернатору, заключающимъ въ себѣ лестныя для Москвы выраженія; при каждомъ восшествіи на престолъ посылаются туда кто-либо изъ выдающихся офицеровъ, чтобы возвѣстить объ этомъ событіи и т. п. Наша память и до послѣдняго времени сохраняетъ остатки того преимущественнаго значенія Москвы, которое правительство поддерживало, имѣя дѣло съ городомъ, бывшимъ въ полномъ смыслѣ слова „дворянскимъ гнѣздомъ“. Серьезнаго въ отрицательныхъ взглядахъ тогдашняго московскаго дворянства въ началѣ александровскаго царствованія было, какъ сказано, не очень много; по выраженію одного изъ самыхъ блестящихъ представителей сословія, графа Ѳедора Ростопчина „дворянство было покорно, хотя иногда предавалось болтливости и фрондерству“¹⁾.

Однако среди отдѣльныхъ выдающихся представителей Москвы въ отношеніи къ Императору Александру I-му замѣчалось и болѣе рѣзкаго свойства обличительное направленіе, при которомъ, сохраняя выгодное положеніе „стародумовъ“, „хранителей старины“, эти лица касались завѣтныхъ мыслей и личныхъ распоряженій государя, клонившихся къ обновленію павловской Россіи. Либеральные со-

¹⁾ О Московскомъ обществѣ см. въ Запискахъ гр. Ѳ. В. Ростопчина. „Русская Старина“ 1889 года, декабрь.

вѣтники Императора Александра I, по мнѣнію политиковъ такой складки, приведуть страну къ мятежу и упадку, „франкъ-масоны“ всѣхъ видовъ, имѣя повсюду проповѣдниковъ и сообщниковъ, скрытно достигаютъ своей цѣли, подготавливая себѣ власть разрушеніемъ существующаго; они же являются сторонниками Наполеона.

Болѣе или менѣе свободно высказываемый взглядъ этотъ на преобразовательныя намѣренія правительства искусно поддерживался тѣмъ, что трагическая кончина Императора Павла для его преемника была незаживавшею ранюю, и удаленные дѣятели минувшаго царствованія, выставляя себя при случаѣ преданными слугами покойнаго государя, полагались на уваженіе Императора Александра I къ памяти отца, вслѣдствіе чего и могли считать себя неприкосновенными. Къ франмасонамъ, стремившимся ограничить дворянскія преимущества и освободить крестьянъ, былъ отнесенъ самъ Императоръ Александръ, извѣстный дружескій комитетъ первыхъ годовъ его правленія (гр. Строгановъ, кн. Кочубей, Адамъ Чарторижскій), а затѣмъ—М. М. Сперанскій.

Незадолго до войны обнаружилось, что недовольство имѣеть за собою, помимо московской склонности къ фрондерству и боязни преобразованій, иныя причины, глубокія и разнообразныя. Сверхъ того оно сдѣлалось всеобщимъ. Неопредѣленное положеніе наше съ Англіею, воспрещеніе ввоза товаровъ тяжело отражалось на внутренней жизни Россіи. Народъ ропталъ на увеличеніе повинностей, купечество банкротилось вслѣдствіе совершеннаго прекращенія торговли, упадка курса и дурного состоянія финансовъ. Въ 1810 г. серебряный рубль былъ доведенъ до 4 руб. ассигнаціями. „Я вамъ скажу, писалъ П. В. Чичаговъ графу С. Р. Воронцову, что однимъ взмахомъ пера насъ обѣднили на двѣ трети; мука въ Петербургѣ отъ 18 до 25 рублей, дрова отъ 12 до 15 р., сукно отъ 35 до 50 р. аршинъ и т. д. Я не говорю о сахарѣ, т. к. можно обойтись безъ завтрака, но не безъ обѣда. Такимъ образомъ живущіе въ странѣ (Россія), теряютъ еще больше, чѣмъ тѣ, которые выѣзжаютъ изъ нея въ виду разницы образа жизни въ Россіи и въ другихъ странахъ. Удары власти неограниченной, произвольной и необдуманной уничтожили зарождающуюся промышленность, а нововведенія и постоянныя перемѣны окончательно поколебали то небольшое довѣріе, которое сохранилось къ мѣрамъ правительства“.—Чиновничество было недовольно экзаменами, возвышеніемъ цѣнъ на всѣ жизненныя потребности и обвиняло въ томъ купечество, желавшее возмѣстить свои потери на потребителяхъ. Избавленія ждаты было не отъ кого; правительство не вмѣшивалось въ подробности торговли, и Карамзинъ писалъ, что „Россія наполнена недовольными. Жалуются въ

палатахъ и хижинахъ, не имѣють ни довѣренности, ни усердія къ правительству, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры“. Высшій классъ былъ недоволенъ потерей преобладающаго вліянія Россіи въ Европѣ и войною съ Австріей, свидѣтельствовавшей о подчиненіи нашемъ Наполеону.

Слухи самыя нелѣпыя распространялись не только въ Россіи, но и за границу. Въ главной квартирѣ эрцгерцога австрійскаго Фердинанда серьезно рассказывали, что Императоръ Александръ отрекся отъ престола и передалъ регентство Сенату.

Всѣ эти слухи, главнѣйшимъ образомъ, исходили изъ Москвы ¹⁾. Еще въ 1809 году, дабы успокоить взволнованное общественное мнѣніе и понимая значеніе Москвы, Александръ рѣшился самъ подъ благовиднымъ предлогомъ свиданія съ любимой сестрою Екатериною Павловною, жившей тогда въ Твери, посѣтить первопрестольную столицу. Москвичи остались въ восторгѣ отъ Государя, а Государь отъ москвичей. Императоръ не скрывалъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на него встрѣча и пріемъ Москвы; вспоминая этотъ день, Александръ впоследствии говорилъ: „C'était le plus beau jour de ma vie“. При слѣдующемъ своемъ посѣщеніи, черезъ три года въ письмѣ къ своей сестрѣ Екатеринѣ онъ о томъ же событіи отозвался такъ: „я не могу передать Вамъ, какія чудныя воспоминанія разбудилъ во мнѣ видъ Москвы. Я плачу, какъ ребенокъ, когда вспоминаю наше пребываніе въ немъ ²⁾“.

Вторымъ и крупнѣйшимъ шагомъ къ сближенію съ обществомъ была отставка и ссылка Сперанскаго 17-го марта 1812 года. Съ его отъѣздомъ исчезла главная помѣха къ примиренію Императора Александра съ дворянскимъ сословіемъ. Дальнѣйшимъ шагомъ по тому же пути было назначеніе 24-го мая графа Ростопчина, представителя охранительнаго направленія въ томъ родѣ, какъ было упомянуто выше, военнымъ губернаторомъ въ Москву ³⁾.

Съ приближеніемъ отечественной войны патріотическое настроеніе, питаемое тревогами, опасеніями и лишеніями, связанными съ именемъ Бонапарта, росло и укрѣплялось. Во всѣхъ слояхъ общества, „въ поволоченныхъ ли салонахъ высшаго круга, въ отличающихся ли простотою казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ тихой

¹⁾ См. у Н. Дубровина. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. „Русская Старина“. Сентябрь 1901 г., стр. 450—455.

²⁾ Переписка Имп. Александра Павловича съ Велик. Княг. Екатериною Павловною, изданная Вел. Кн. Николаемъ Михайловичемъ. Письмо отъ 11 іюля 1812 года, № 67.

³⁾ См. у Ю. Карцова и К. Военскаго. Причины войны 1812 года. Спб. 1911 г., стр. 101—103.

ли бесѣдѣ дружеской, въ разгульномъ ли обѣдѣ или вечеринкѣ,—одно, одно только высказывалось: желаніе борьбы, надежды на успѣхъ, на возрожденіе отечественнаго достоинства и славы имени русскаго. Въ домашнемъ кругу отцы благословляли дѣтей своихъ, жены—мужей, любовницы—милыхъ ихъ сердцу на дѣло святое, близкое каждому русскому¹⁾. Нашествіе Наполеона не представляло собою для Россіи чего-либо внезапнаго, „оно давно уже было предвидѣно“, говоритъ Н. И. Гречъ въ своихъ запискахъ, „предсказано и ожидалось со дня на день. Особы, посвященныя въ тайны кабинетовъ, утверждали, что, вѣроятно, все кончится миролюбіемъ, что нѣтъ никакихъ ясныхъ примѣтъ скорого начатія войны: Но публика судила и видѣла иначе, видѣла правду, которой до времени нельзя возгласить во всеуслышаніе“.

Легко себѣ такимъ образомъ представить, какъ со времени вступленія въ страну Наполеонскихъ войскъ, волновалась, всегда расположенная къ подозрѣніямъ, Москва и какъ всѣ неопредѣленные слухи о первыхъ военныхъ операціяхъ, не представлявшихъ собою ничего блестящаго, увеличивали тревогу, тѣмъ болѣе, что Императора Александра не оставляло желаніе руководить дѣйствіями арміи. Онъ прибылъ къ дѣйствующей арміи 14 апрѣля 1812 г.

Хотя война началась отступленіемъ русскихъ войскъ, но тѣмъ не менѣе не сразу была покинута мысль дать сраженіе неприятелю; по вторженіи французовъ въ Россію лишь постепенно пришли къ убѣжденію, что наши силы далеко не соотвѣтствуютъ громадной численности арміи Наполеона, и такимъ образомъ усиленіе нашихъ боевыхъ средствъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій явилось настоятельною потребностью. Къ этой цѣли стали направляться всѣ распоряженія, отдававшіяся Императоромъ Александромъ; вскорѣ они совершенно измѣнили первоначальный планъ дѣйствій, такъ какъ было признано безусловно необходимымъ соединить двѣ арміи и возбудить народную войну. Въ это время наши войска уже двигались изъ Дрисскаго лагеря къ Полоцку²⁾.

Къ ночи 6-го мая велѣно было приготовить коляски, чтобы ѣхать черезъ Смоленскъ въ Москву, а Шишкову поручено было

¹⁾ Записки С. Г. Волконскаго, изд. 1901 г., стр. 149.

²⁾ Авторомъ этой статьи приводились данныя относительно доклада Императору Александру I Аракчеева, Балашова и Шишкова, напечатанныя въ юньской книгѣ „Русск. Стар.“, стр. 455—461; а потому и выпущенныя. Какъ извѣстно, докладъ этотъ былъ причиной отъѣзда Государя изъ арміи.

написать воззваніе къ первопрестольной столицѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи ¹⁾).

Поѣздка въ Москву была окончательно рѣшена.

Недовольные ходомъ военныхъ дѣлъ съ самаго начала кампаніи радовались, что былъ оставленъ Дрисскій лагерь, что Императоръ рѣшился предоставить полную власть главнокомандующему, возложивъ тѣмъ на послѣдняго отвѣтственность за дѣйствія, что онъ ѣхалъ въ средоточіе Россіи, въ Москву, чтобы поднять духъ народа и призвать его на защиту отечества.

Государь приказалъ московскому главнокомандующему графу Ростопчину, чтобы никакой встрѣчи не готовилось, но чтобы самъ онъ ѣхалъ встрѣтить его на первой станціи отъ Москвы по Смоленской дорогѣ, куда прибытіе предполагалось 10-го іюля къ 3 часамъ дня; 11-го вся Москва узнала о скоромъ пріѣздѣ благодаря отпечатанію Ростопчинымъ полученнаго воззванія вмѣстѣ съ его „извѣщеніемъ въ моемъ родѣ“ (bulletin de ma façon), какъ онъ выражается въ своихъ запискахъ.

Къ 10 часамъ утра 11-го іюля съ распространеніемъ извѣстія о прибытіи Государя взволновалась вся Москва, и улицы наполнились народомъ. Неизвѣстность, которою томила столица, предчувствуя силу грозившей родинѣ опасности и не имѣя свѣдѣній о принятыхъ для защиты мѣрахъ, должна была окончиться свиданіемъ съ Государемъ; отъ него ждали вѣрнаго и надежнаго слова и разрѣшенія господствовавшаго недоумѣнія относительно настоящихъ и будущихъ дѣйствій противъ врага. Волны народа двинулись по всѣмъ улицамъ, спѣша за заставу на Смоленскую дорогу, чтобы привѣтствовать и встрѣтить Государя. Весь день прешель въ ожиданіи, а къ вечеру кто-то изъ ѣхавшихъ въ Москву, увидя двигающуюся по дорогѣ толпу уже на 17-ой отъ города верстѣ, объявилъ, что Государь ночуетъ въ Перхушковѣ, гдѣ ожидаетъ его и гр. Ростопчинъ. Встрѣчавшіе должны были возвратиться обратно. Гр. Ростопчинъ, рассчитавъ встрѣтить Государя въ Перхушковѣ, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, пріѣхалъ туда къ назначенному времени, но Александръ прибылъ только къ 5 часамъ. „Онъ болѣе часа разговаривалъ со мною наединѣ (пишетъ гр. Ростопчинъ), хвалилъ меня за способъ моихъ дѣйствій, чтобы пріобрѣсть расположеніе жителей Москвы. Онъ говорилъ о войнѣ, никого не обвинялъ въ дурномъ образѣ дѣйствій; казалось, былъ увѣренъ, что

¹⁾ Манифестъ первопрестольной столицѣ уже былъ напечатанъ въ іюньской кн. „Русск. Стар.“, стр. 447. Ред.

армія Барклая и Багратіона соединятся, вовсе не казался унылымъ, но былъ спокоенъ и въ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ разспрашивалъ меня о настроеніи умовъ, сообщилъ мнѣ свое намѣреніе обратиться къ дворянству съ предложеніемъ образовать земское ополченіе и хотѣлъ остановиться въ Москвѣ въ Слободскомъ дворцѣ, находящемся на одной изъ городскихъ окраинъ. Но когда я замѣтилъ, что было бы приличнѣе, если бы онъ находился въ Кремлѣ, во дворцѣ своихъ предковъ и средоточіи города, то онъ согласился съ моимъ замѣчаніемъ. Взглянувъ на мои эпюлеты, сказалъ: „здѣсь кой-чего недостаетъ“, подразумѣвая свой вензель, особенное отличіе, которое въ то время имѣли только двое главнокомандующихъ. Онъ къ этому прибавилъ: „Мнѣ пріятно быть на вашихъ плечахъ“ (*j'aime à être sur vos épaules*).

„При Государѣ находились оберъ-гофъ-маршалъ гр. Толстой, гр. Аракчеевъ, кн. Волконскій и гр. Комаровскій. Узнавъ, что въ свитѣ находился баронъ Штейнъ, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, подъ предлогомъ недостатка въ лошадяхъ, замедлили его пріѣздъ въ Москву на нѣсколько часовъ. Я сдѣлалъ это въ виду сильно укоренившагося мнѣнія, что всѣ иностранцы наши враги и шпіоны. Въ 8 часовъ Государь приказалъ мнѣ ѣхать, часомъ прежде него, желая прибыть около полуночи въ Москву, для того чтобы избѣгнуть толпы любопытныхъ, которые его ожидали по дорогѣ и намѣревались даже выпрячь лошадей и сами везти его коляску въ Кремль. Эта мысль отъ народа перешла и къ болѣе высшимъ классамъ, и мнѣ было извѣстно, что многія лица, имѣвшія даже ордена, намѣревались отправиться къ заставѣ и, можетъ быть по усердію, а можетъ быть и по глупости, превратиться такъ въ четвероногихъ“.

„На пространствѣ 15 верстъ отъ Москвы, по обѣимъ сторонамъ дороги, были толпы народа, вышедшаго изъ города навстрѣчу Государю. Они лежали или сидѣли, отдыхая по валамъ канавъ. Я ѣхалъ въ дрожкахъ и никогда не забуду этого путешествія, которое произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Ночь была великолѣпная, небо ясно, и ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Величественная тишина и лунный свѣтъ, падавшій на страну, населенную, богатую и счастливую, производили сильное впечатлѣніе. Въ каждой деревнѣ, находившейся на дорогѣ, священники съ крестомъ въ рукѣ, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ съ зажженными свѣчами выходили изъ церквей, чтобы благословить Государя при его проѣздѣ. Эти свѣчи, эти священники, ихъ появленіе, сильно дѣйствовали на воображеніе, волновали чувства и возбуждали множество мыслей, которыя современныя обстоятельства об-

вивали погребальнымъ трауромъ. Тяжело становилось на сердце, волновалась душа, и тревожился умъ. Эти процессіи напоминали похороны, и послѣ взгляда на нихъ глаза невольно подымались къ небу, какъ бы желая прочесть на немъ будущую судьбу отечества⁴.

Другой свидѣтель, гр. Комаровскій пишетъ, что отъ послѣдней станціи къ Москвѣ, вся дорога была наполнена такимъ множествомъ народа, что отъ бывшихъ у этихъ желающихъ видѣть своего Государя фонарей было свѣтло, почти какъ днемъ⁴.

Было уже около полуночи, когда Государь приближался къ Москвѣ. Вышедшій ему навстрѣчу народъ уже большею частію возвратился въ городъ. Запоздавшіе и отставшіе соединились съ жителями села Филей или Покровскаго, которые непременно хотѣли встрѣтить Государя. Они послали своихъ гонцовъ въ село Перхушково, которые и дали имъ во-время знать, что Государь выѣхалъ оттуда и приближается. Священникъ отецъ Григорій Гавриловъ, въ полномъ облаченіи, вышелъ впередъ народа на Поклонную гору, неся на серебряномъ блюдѣ крестъ, а старикъ дьяконъ держалъ зажженную свѣчу. Поравнявшись съ ними, Государь велѣлъ остановить лошадей, вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ провозгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его“¹⁾.

„Около полуночи (пишетъ гр. Ростопчинъ) Государь пріѣхалъ въ Кремль, гдѣ нашель, что всѣ снятъ; по странному недоразумѣнію, его ожидали въ другомъ дворцѣ⁴. Странное недоразумѣніе, вѣроятно, произошло отъ самого гр. Ростопчина. По его свидѣтельству, Государь предполагалъ остановиться въ Слободскомъ дворцѣ, и безъ сомнѣнія согласно съ этимъ желаніемъ сдѣланы были приготовленія для его приѣма. Онъ измѣнилъ это намѣреніе по совѣту гр. Ростопчина, который ранѣе Государя пріѣхалъ въ Москву изъ Перхушкова, но не далъ знать кому слѣдовало о томъ, что Государь прибудетъ въ Кремлевскій дворецъ.

Въ одномъ общемъ чувствѣ необходимости и готовности къ самопожертвованію для спасенія отечества сливались всѣ слои населенія, и оно-то, переполняя души, вызвало ихъ навстрѣчу Императора. Замѣчаніе гр. Ростопчина, что народъ остался равнодушнѣмъ (*indifférent*) къ воззванію Императора, не допуская возможности, чтобы непріятель могъ занять Москву, опровергается именно попыткою этой встрѣчи, а еще болѣе собственнымъ его замѣчаніемъ:

¹⁾ С. Н. Глинка. Записки о 1812 г., стр. 11—12.

бороды, по его словамъ, говорили постоянно: „Наполеонъ не можетъ насъ покорить, потому что для этого нужно насъ всѣхъ перебить“. Бороды чувствовали безсознательно вопросъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ поставленъ историческою судьбою. Нашествіе непріятеля грозило такимъ же покореніемъ и Россіи, какому уже подверглись многія страны континентальной Европы. Попытка подобной встрѣчи Императору была, такъ сказать, предувѣдомленіемъ только къ выраженію народнаго чувства, которое и обнаружилось на слѣдующій день ¹⁾.

„Всякій, кто читалъ воззваніе Государя“, говоритъ очевидецъ событій А. Д. Бестужевъ-Рюминъ ²⁾, „былъ тронуть до глубины души, всякій готовъ одинъ былъ жертвовать собою для защиты престола и отечества“.

Между тѣмъ гр. Ростопчинъ еще при своемъ назначеніи получилъ отъ Имп. Александра повелѣніе строго слѣдить, чтобы дворянство не переступало извѣстной черты и вообще, чтобы патріотическое движеніе, подъ впечатлѣніемъ неудачныхъ битвъ, не обратилось бы противъ правительства. Ростопчинъ доложилъ Государю въ отвѣтъ, что доколѣ секта франъ-масоновъ „въ большихъ мѣстахъ будетъ имѣть своихъ членовъ“, общество не выкажетъ къ правительству полного довѣрія. Паденіе Сперанскаго и означало переломъ въ отношеніяхъ съ дворянскимъ обществомъ. Вслѣдствіе полученныхъ указаній и по личнымъ соображеніямъ гр. Ростопчинъ, хотя и возбуждалъ народное движеніе, однако одновременно опасался, какъ бы оно не вышло изъ береговъ и не отняло у него руководство событіями. Его беспокоили не только франъ-масоны, но и слишкомъ пылкіе приверженцы его же направленія, на примѣръ, извѣстный тогда Москвѣ С. Н. Глинка, издатель „Русскаго Вѣстника“, ненавистникъ французскаго вліянія на Россію. Этотъ самый Глинка былъ во главѣ толпы, двигавшейся 11-го іюля навстрѣчу Государю по Смоленской дорогѣ. Роль народнаго трибуна, которую принялъ на себя Глинка, пришлась не по вкусу Ростопчину, видѣвшему въ этомъ какъ-бы соперничество съ нимъ самимъ, покушеніемъ на его права, какъ московскаго главнокомандующаго. Онъ самъ желалъ играть ту же роль, что доказываютъ его приемы обращенія съ народомъ и его афиши. „Не знаю почему (пишетъ Глинка вслѣдъ за описаніемъ своего выступленія), приказано было

¹⁾ А. Н. Поновъ. Москва въ 1812 году. „Русскій Архивъ“. 1875 г. Книга вторая, стр. 301.

²⁾ Записки А. Д. Бестужева-Рюмина. „Русскій Архивъ“, 1896 г. № 7, стр. 348.

за мною присматривать“, т. е. другими словами его отдали подъ надзоръ полиціи.

Народный порывъ 11-го іюля показалъ, какъ Государь будетъ принять всѣми сословіями въ самой Москвѣ. Ростопчинъ, желая показать замѣчательному иностранцу (образу мыслей котораго онъ однако жъ не сочувствовалъ) барону Штейну, въ какихъ отношеніяхъ Государь находится къ своимъ подданнымъ въ тяжелое время, послалъ ему слѣдующее приглашеніе на 12 іюля: „гр. Ростопчинъ, свидѣтельствуя свое почтеніе г. барону Штейну, препровождаетъ пакетъ, полученный на его имя и, если ему любопытно видѣть Императора, обожаемаго своимъ народомъ, то предлагаетъ ему пожаловать во дворецъ въ 10 часовъ“.

12-го іюля на утро былъ назначенъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Народъ безъ всякихъ сообщеній зналъ уже, что Государь въ Москвѣ, и съ равныхъ часовъ стремился въ Кремль. Всѣ улицы площади, кровли домовъ наполнились до тѣсноты людьми. Въ 9 ч. появился на Красномъ крыльцѣ Императоръ, при его появленіи вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ и обычнымъ „ура!“, слышались и другіе возгласы: „веди насъ, куда хочешь; веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ!“. На каждой ступени Краснаго крыльца со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ (разсказъ очевидца) хватались за ноги Государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами... Быстрый приливъ народа стѣснялъ его все болѣе и болѣе, чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „не троньте, не троньте ихъ, я пройду“. „Стеченіе народа (говоритъ другой очевидецъ гр. Комаровскій) на всей Кремлевской площади было такъ велико, что находившіеся при Государѣ генераль-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобъ довести Императора отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гаубтвахты и оттуда уже кое-какъ добрались до церкви. Между тѣмъ громогласное „ура!“ заглушало почти колокольный звонъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время“.

Описанія свидѣтелей дней пребыванія Александра въ Москвѣ въ общемъ сходны между собою, отличаясь лишь своимъ тономъ и нѣкоторыми подробностями: „Въ этотъ день“ (12 іюля), пишетъ гр. Ростопчинъ, „въ большомъ соборѣ, послѣ обѣдни назначенъ былъ благодарственный молебенъ, по случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою. Государь пошелъ въ соборъ и при входѣ

былъ встрѣченъ архіепископомъ Августиномъ, викаріемъ митрополита Платона, который удался въ маленькій монастырь ¹⁾, построенный имъ въ 60 верстахъ отъ Москвы. Съ нимъ уже нѣсколько разъ были припадки паралича, и онъ плохо владѣлъ языкомъ; но это болѣзненное состояніе не помѣшало ему прислать изъ своего уединенія Государю образъ св. Сергія вмѣстѣ съ прекраснымъ письмомъ, въ которомъ онъ предвѣщалъ славный конецъ войнѣ и сравнивалъ Государя съ пастыремъ Давидомъ, а Наполеона съ Голиафомъ. Но времена уже были иныя: Наполеонъ не сдѣлалъ бы вызова и не таковъ былъ, чтобы позволить себя убить ударомъ пращи“.

Архіепископъ Августинъ, встрѣтившій Государя при входѣ въ Успенскій соборъ привѣтственной рѣчью, пользовался извѣстностью, какъ умный и горячій проповѣдникъ, хотя его „слова“ наряжались въ изысканный риторическій уборъ. Однако въ его привѣтствіи выразилось то необычайное увлеченіе, съ которымъ Москва встрѣчала Александра въ настоящее, угрожающее событіями, время.

„Наша благодарность, наша любовь къ тебѣ не имѣютъ предѣловъ; но твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувства нашего къ тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими. Царю! Господь съ тобою: Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бурѣ, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны потопныя“. При вступленіи Государя въ храмъ, вмѣсто обычной пѣсни пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Авгу-

Императоръ Александръ I въ Москвѣ въ 1812 г.

¹⁾ Визанія, близъ Троице-Сергіевской лавры.

стина, запѣли: „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его ¹⁾. Образъ св. Сергія, которымъ митрополитъ Платонъ благословлялъ Императора, имѣлъ историческое значеніе: онъ былъ написанъ въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, на доскѣ отъ гроба преподобнаго Сергія. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (въ 1654 году) икона эта находилась при войскахъ въ войнѣ съ Польшею и возвращена потомъ въ Лавру (въ 1658 г.). Во время войны со шведами Петръ Великій поручилъ графу Шереметеву взять ее изъ Лавры, и она сопровождала войскамъ во все продолженіе этой войны.

На 15 іюля Государь назначилъ дворянамъ и купцамъ собраться въ залахъ Слободскаго дворца ²⁾ съ тѣмъ, чтобы непосредственно обратиться къ миѣнію этихъ сословій.—По его приказанію гр. Ростопчинъ и статсъ-секретарь Шишковъ отправились въ это собраніе до его пріѣзда съ тѣмъ, чтобы отъ его имени прочесть какъ дворянству, такъ и купечеству манифестъ 6 іюля. При входѣ гр. Ростопчинъ сказалъ, указывая на залу, гдѣ были собраны купцы: „Отсюда полются къ намъ милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя“. Впослѣдствіи въ своихъ запискахъ онъ такъ рассказываетъ о собраніи 15 іюля: „Передъ прибытіемъ Государя, я отправился во дворецъ вмѣстѣ съ г. Шишковымъ. Прежде мы посѣтили залу дворянъ, а потомъ купцовъ. Въ первой залѣ, въ которой собралось около 1.000 челов., съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ по полученіи извѣстія о пріѣздѣ Государя, все происходило тихо и въ порядкѣ; но во второй залѣ, гдѣ были собраны купцы, я былъ пораженъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело чтеніе манифеста. Сначала—вниманіе, потомъ гнѣвъ; но когда Шишковъ произнесъ слова, въ которыхъ говорилось, что непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы, тогда негодованіе выразилось въ сильнѣйшей степени: ударяли себя въ голову, рвали на себѣ волосы, ломали руки, видны были слезы гнѣва, струившіяся по этимъ лицамъ, напоминавшимъ древнихъ. Я видѣлъ одного, который скрежеталъ зубами. При этомъ шумѣ невозможно было разобрать, что говорили; но явно было, что это угрозы и возгласы гнѣва и стenanія. Это было единственное зрѣлище въ своемъ родѣ, когда русскій челоѣкъ на свободѣ выражаетъ свои чувства и, забывая о своемъ рабствѣ, негодуетъ на оковы, которыя готовитъ ему иностранецъ,

¹⁾ Въ день посѣщенія Императоромъ Успенскаго собора, 12-го іюля, былъ назначенъ благодарственный молебенъ по случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою. Ратификацію Бухаретскаго мира съ султаномъ Государь получилъ въ Смоленскѣ 9-го іюля.

²⁾ Въ Лефортовѣ.

предпочитая смерть позору—быть побѣжденнымъ. Въ этомъ случаѣ открылись старыя русскіе, они сохранили старую одежду, ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ ихъ предковъ. У нихъ не было другого руководства, другихъ началъ, другихъ правилъ, кромѣ четырехъ пословицъ, которыми объясняются причины какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ ихъ дѣйствій: „Русскій Богъ великъ; служить Государю вѣрою и правдою; два раза не умираютъ; чему быть, тому не миновать“.

„Вотъ что дѣлаетъ настоящаго русскаго покорнымъ волѣ Божіей, вѣрнымъ своему Государю, равнодушнымъ къ смерти и предприимчивымъ. И въ какомъ блескѣ выражалось его мужество и вѣрность въ продолженіе 1812 г.! Онъ дѣйствовалъ самъ собою, его инстинктъ одинъ руководилъ имъ. Древняя исторія мало представляетъ примѣровъ такой преданности и пожертвованій. Исторія нашего времени не представляетъ ни одного“.

По поводу наивныхъ на этотъ разъ разсужденій гр. Ростопчина совершенно правильно замѣчаетъ А. Н. Поповъ ¹⁾: „странное объясненіе чувствъ, выразившихся въ это великое мгновеніе исторической жизни народа, четырьмя поговорками показываетъ только, что многія изъ лицъ образованнаго сословія того времени такъ далеко отошли отъ народа, что даже и въ этомъ случаѣ не могли совершенно слиться съ нимъ и хотѣли стоять выше. Увидавъ лицомъ къ лицу настоящихъ русскихъ, они не узнавали ихъ и считали какъ бы за воскресшихъ изъ гроба предковъ“.

Пріѣхавъ во дворецъ, Государь прежде всего вошелъ въ свои покои, куда явился къ нему гр. Ростопчинъ, чтобы доложить, что все готово къ его приему, и сдѣлать отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ манифестомъ. Потомъ Государь вошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ совершенно было краткое молебствіе. Государь какъ будто медлилъ вступить въ залы, гдѣ были собраны сословія. Дѣлая рѣшительный шагъ, онъ сосредоточивалъ мысли: прибѣгая къ народной силѣ и сливаясь съ нею, онъ какъ будто отказывался отъ своего личнаго полновластія; но въ то же время онъ чувствовалъ, что въ силѣ народа получаетъ еще большую силу. „Войдя въ дворянскую залу (пишетъ Ростопчинъ), онъ казался озабоченнымъ. Шагъ, который онъ рѣшался сдѣлать, не могъ не быть тяжелъ для каждаго Государя. Онъ милостиво поклонился собранію; потомъ, нѣсколько собравшись съ духомъ, съ лицомъ оживленнымъ, сказалъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности, которая произвела электрическое дѣйствіе и расположила всѣхъ

¹⁾ Москва въ 1812 году. „Русскій Архивъ“, 1875 г. Книга вторая, стр. 307.

жертвовать“... Отъ имени дворянства отвѣчалъ бывший главнокомандующій Москвы, гр. Гудовичъ, какъ старшій по положенію и по лѣтамъ. Онъ объявилъ, что дворяне готовы жертвовать своимъ достояніемъ и пролить свою кровь до послѣдней капли и предлагаютъ императору по одному ратнику съ 25 душъ, одѣтому и снабженному на мѣсяць провіантомъ. Лишь только фельдмаршалъ кончилъ рѣчь, какъ раздались голоса: „нѣтъ не по одному съ 25, а по одному съ 10, обмундированныхъ и снабженныхъ провіантомъ на три мѣсяца“. Это съ шумомъ было повторено большею частію собранія. Поблагодаривъ дворянство, Государь перешелъ въ залу, гдѣ было собрано купечество, и гдѣ уже шла подписка. На рѣчь Государя купцы общимъ голосомъ отвѣчали: „Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только своимъ имуществомъ, но и собою“ (см. въ записк. Бестужева-Рюмина) и заявили, что „сдѣланы подписки на нѣсколько милліоновъ рублей, которые они приносятъ въ даръ отечеству“. Городской голова, котораго капиталъ состоялъ изъ 100 тысячъ, первый подписался на 50 тыс., крестясь и говоря: „мнѣ далъ ихъ Богъ, и я отдаю ихъ отечеству“. Сказавъ купечеству нѣсколько лестныхъ словъ, Александръ сѣлъ въ экипажъ и возвратился въ Кремлевскій дворецъ (изъ зап. гр. Комаровскаго).

„Я возвратился въ Кремль (продолжаетъ гр. Ростопчинъ съ извѣстіемъ о 2.400,000 и нашелъ Императора въ кабинетѣ, вмѣстѣ съ Балашовымъ и Аракчеевымъ. Десять человѣкъ на сто, по расчету народонаселенія губерніи, составляло 32 тыс. ¹⁾ человѣкъ, снабженныхъ продовольствіемъ на три мѣсяца, и сверхъ того сумма, пожертвованная купцами. Государь мнѣ сказалъ, что считаетъ себя очень счастливымъ и радуется, что рѣшился пріѣхать въ Москву и что назначилъ меня генераль-губернаторомъ. Александръ несомнѣнно былъ очень усकोенъ выяснившимся настроеніемъ московскаго общества, что онъ неоднократно и выражалъ на письмѣ и на словахъ, говоря, что „никогда не забудетъ этого дня“. Его состояніе духа замѣтно измѣнилось. Вотъ что читаемъ мы въ безприязнительныхъ воспоминаніяхъ свидѣтельницы событій А. Г. Хомутовой ¹⁾, 12-го іюля: „Государь появился такой печальный и такой прекрасный. Сколько заботъ выражалось во взорѣ его голубыхъ глазъ! Онъ обратился къ собравшимся съ ласковымъ привѣтомъ, точно съ просьбой“. 15-го іюля, при проѣздѣ въ собраніе: „Государь былъ блѣденъ и задумчивъ“. По возвращеніи оттуда: „Затѣмъ

¹⁾ Въ письмѣ къ кн. А. И. Горчакову отъ 17-го іюля 1812 г. Ростопчинъ пишетъ, что число вооруженныхъ должно было составить 50 тысячъ человѣкъ „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 152.

появился Государь: онъ былъ свѣтель и раскланивался, какъ бы выражая признательность“.

Опираясь на проявленное патріотическое воодушевленіе общества, Императоръ Александръ почувствовалъ новую силу для предстоявшей тяжелой борьбы съ врагомъ, но онъ еще не предполагалъ, какой подъемъ чувства охватить всѣ слои населенія, какъ простые русскіе люди сумѣютъ отстоять свою независимость.

Въ продолженіе недѣли, проведенной Императоромъ въ Москвѣ, обычныя его занятія не только не прерывались, но усилены были новыми по устройству народнаго ополченія. Но его распоряженія по этой части только что начинались. Въ Москвѣ подписанъ былъ Императоромъ манифестъ о „составленіи внутреннихъ силъ для защиты отечества“.

Александръ выѣхалъ изъ Москвы въ ночь съ 18-го на 19-ое іюля и, прощаясь, сказалъ графу Ростопчину, просившему приказаній и наставленій: „Предоставляю вамъ полное право дѣлать то, что сочтете нужнымъ. Кто можетъ предвидѣть событія? и я совершенно полагаюсь на васъ“. „Онъ не захотѣлъ“, пишетъ гр. Ростопчинъ, „чтобы я проводилъ его до заставы, сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ, оставивъ меня полновластнымъ и облеченнымъ его довѣріемъ, но въ самомъ критическомъ положеніи, какъ покинутаго на произволъ судьбы импровизатора, которому поставили темой: Наполеонъ и Москва“.

В.

---

¹⁾ „Русскій Архивъ“. 1891 г. Т. III, стр. 315, 317.